

Образ России и русских в «Путевых заметках о новой России» Цюй Цюбо

© 2017

Е.В. Сенина

В статье анализируется образ России и русских в одном из первых произведений новой китайской литературы о России. Большое внимание в работе уделяется рассмотрению китайских социокультурных стереотипов и установок по отношению к русским, выделяются основные национально-психологические характеристики русских.

Ключевые слова: образ России, образ русских, китайская литература, Харбин, этнокультурные стереотипы и установки.

В начале XX века в Китае зарождается реформаторское движение — «Движение за новую культуру»¹. Оно было связано с всеобщим стремлением китайского общества к изменению социального строя, к формированию нового типа этнического и культурного сознания. Передовые китайцы стали проявлять искренний интерес к иностранной культуре и знакомить свою родину с основами культуры и литературы, экономическими достижениями западного мира. Россия в этот период также ассоциировалась в китайском сознании с Западом. В конце XIX века появляются первые китайские переводы русской и европейской художественной литературы². Конечно, далеко не все китайцы могли познакомиться с произведениями русской литературы. Такой преференцией обладали только образованные люди — аристократия, чиновники, литераторы и учителя, философы, деятели культуры³. Но именно на основе этих переводов стал складываться образ России и русских в китайской литературе.

Источником создания «русских» сюжетов стала не только русская классика XIX века, но и опыт непосредственного общения китайцев с русскими, появившимися на Северо-Востоке Китая с началом строительства КВЖД и после революции создавшими там свой анклав. Основной массой русского населения Харбина накануне 1917 г. были железнодорожники и члены их семей, предприниматели, учителя, врачи и др. В то время никто не предполагал, что многие из них обречены на вечную эмиграцию. После революции 1917 г. и Гражданской войны ряды русских эмигрантов пополнили вновь прибывшие представители всех категорий российского общества: городские обыватели, торговцы, чиновники, учителя, инженеры, врачи, крестьяне и рабочие, университетские профессора, журналисты, писатели и поэты, а также изгнанные из Советской России оппозиционные государственные, политические и общественные деятели, военачальники и рядовые белой армии,

Сенина Екатерина Владимировна, аспирант, ассистент кафедры литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета (г. Благовещенск).
E-mail: katya-senina@mail.ru.

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда; проект № 14–18–00308 «Этнические миграции как фактор цивилизационных взаимодействий и социокультурных трансформаций в Восточной Азии (история и современность)».

казаки. Они попали в «почти Россию», в город, где сохранялась и развивалась русская культура⁴. Образ жизни российских эмигрантов в Харбине дал возможность китайским литераторам познакомиться с той страной и тем русским укладом, которых в 1920-е годы уже не существовало. Тем любопытнее был этнокультурный опыт, который китайские литераторы смогли обрести в русском Харбине. Он стал основой для ряда китайских писателей, создавших произведения реалистического направления о России и русских.

Одними из первых публицистических произведений о русских и России стали путевые заметки Цюй Цюбо. Цюй Цюбо (1899–1935) — выдающийся китайский писатель, журналист, переводчик русской классической и советской литературы, деятель культуры, один из первых руководителей Коммунистической партии Китая, пропагандист марксизма.

4 ноября 1920 г. в Харбине Цюй Цюбо пишет, что решил покинуть свой край, свою родную страну Китай и отправиться в чужое ему государство, где совершилась Октябрьская революция. Его угнетает осознание тяжелых условий жизни народа в своей стране и невозможность изменить ситуацию, где «мрак, мгла, зловоние, грязь и сырость, пронизывающий ветер. С самого рождения я не видел ни капли света, даже не могу себе его представить <...> Я знаю одни страдания и ни капли радости! Здесь ничто меня не удерживает. Вырваться бы отсюда поскорее, но куда податься? Да, меня ничто здесь не удерживает, а уехать не хватает духу... Странное чувство владеет мною! Я понял наконец, что обречен на вечные страдания и должен с ними примириться. Я понял это, осознал, не могу только облечь в слова зародившееся в моей душе смутное желание <...> Так тяжело, когда вокруг одни страдалцы — такие, как ты сам! Я решился и уехал!»⁵. Отсутствие духовного и материального благополучия на родине приводит автора путевых заметок к решению сменить обстановку и искать «тепло и солнце» в стране, где произошли исторические события, изменившие мир. Образ далекой страны окрашен в сознании автора в красный цвет — цвет жизни, радости, счастья и любви в китайской культуре. «Алый, как кровь, озарил весь необъятный мир. Окрашенные кровью, пролитой в боях, цветы по всей земле зажглись багрянцем, будто на закате, заблестели, будто лучи солнца в утренней росе. Все засияло. Как ни велика вселенная, но скоро в каждом ее уголке зажжется красный свет. Красный цвет!»⁶. Писатель верит, что русский народ, сбросивший ярмо царизма, стал свободным и несет волю от рабства другим угнетенным во всем мире.

Цюй Цюбо предстояло преодолеть тысячи километров, чтобы попасть в «красную столицу» — Москву. Еще до въезда в Россию 20 октября 1920 г., прибыв на станцию Чанчунь, писатель из окон вагона впервые увидел русских людей. Они произвели на него удручающее впечатление: «...засаленные меховые шапки <...>, густые брови возниц <...>, суровые русские лица, угрюмые и печальные. Поездная прислуга на КВЖД, уже находившаяся формально в ведении китайской администрации, состояла из русских, в основном, уроженцев Сибири»⁷. Почувствовавшая послереволюционную вольницу, эта прислуга недобросовестно относилась к своим прямым обязанностям: «интерьер вагонов находился в запущенном состоянии»⁸.

Попав в Харбин, Цюй Цюбо метко определил, что «Харбин жил своей особой жизнью, носившей русские черты»⁹. Двухмесячное пребывание в Харбине дало писателю возможность изучить русских и поделиться своими впечатлениями с читателями его путевых заметок. В Харбине в начале 1920-х годов проживало уже около 166 тыс. русских (через несколько лет эта цифра перевалит за 200 тыс.), переселившихся в Китай по разным историческим причинам¹⁰. Город уже являл все признаки упадка былого величия: улицы, подворья находились в крайне неряшливом состоянии: «Так вот, оказывается, какие они, эти западные люди»¹¹. Цюй Цюбо сразу определил русскую цивилизацию как «наполовину европейскую»¹². Он интересовался русской прессой, но не получил из нее серьезных сведений (это было «безвременье», когда волны революции докатыва-

лись до Харбина только отголосками)¹³; торговлей, которая тоже находилась в плачевном состоянии («бумажный рубль царского времени катастрофически падал в цене»¹⁴).

Безусловно, китайский автор смотрел на харбинскую жизнь сквозь явную прокоммунистическую призму. В Харбине ему бросились в глаза контрасты в социальном, политическом и культурном плане между китайцами, тесно связанными семейными и служебными связями с русскими, и русской буржуазией, укоренившейся в китайском городе. Довольная жизнью русская буржуазия открыто поддерживала японцев, а простые труженики-китайцы дружили с русскими «низами» и явно симпатизировали последним. «Русские трудящиеся никогда не имели дурных намерений по отношению к народу Китая»¹⁵, — пишет Цюй Цюбо. «А буржуи-эмигранты, сытые и гладкие, беззастенчиво яхшуются с японцами, затевают вместе с ними всякие махинации <...> и строят планы на восстановление России на началах бывшей монархии»¹⁶.

Длительная остановка в Харбине стала очень плодотворной для писателя, он много встречался «с русскими друзьями». Они снабдили его литературой (книгами, газетами и другими материалами) на русском языке.

С большой теплотой и доброжелательностью рассказывает Цюй Цюбо о задушевной беседе с семьей толстовцев из России, живущей на окраине Харбина. Автор обращает внимание на приветливость и гостеприимство русских: «У них дома можно было хоть немного отдохнуть от изрядно надоевшей харбинской сутолоки, свойственной всем небольшим городам. <...> Они принялись хлопотать, приготовили чай, угощение»¹⁷. За столом шла оживленная беседа и о поездке писателя в Россию, и о русской культуре, о ее самобытности, о сильном влиянии религии. Хозяева рассказали, как трудно живется в Советской России: нищета — это главное, что беспокоило русскую семью, живущую в Китае. При этом Цюй Цюбо понял, что местные русские не знают ни Китай, ни его культуру, хотя, по их словам, желание изучать китайскую историю и язык было велико, но осуществить это в Харбине было практически невозможно. Весь город говорил порусски, даже китайцы. Русские извозчики плохо ориентировались на улицах Харбина и возмущались тем, что китайцы не признают русских названий улиц. Автор критикует и себя: «Ты сам тоже хорош... Ездишь, ездишь по китайской земле, а ни малейшего представления не имеешь о китайских названиях улиц»¹⁸. Цюй Цюбо приводит красноречивую реплику самих русских: «Так нам же не довелось побывать в Китае. Неужели вы считаете Харбин Китаем? Русские ведут здесь свой, чисто русский образ жизни, и не так уж много у них возможностей для ознакомления с китайской культурой»¹⁹. Цюй Цюбо негодует: «Живя в Китае, они, оказывается, так и не узнали по-настоящему китайской жизни, китайской культуры. В каждом китайце они видели либо кули, либо мелкого торговца»²⁰. Незнание китайской культуры русскими харбинцами было связано, во-первых, со специфическим социокультурным составом китайского и маньчжурского населения, в основном состоящего из обслуживающего персонала и торговцев. Во-вторых, русское и китайское население Харбина жили в разных районах города. Русские боялись заходить в китайский район, так как там обосновались многочисленные криминальные элементы²¹. Писателя удивило и то, что русские совсем не знакомы с искусством китайской кухни. Но где же им было узнать это искусство, если в Харбине, кроме харчевен и палаточных столовых, не было ни одного фешенебельного китайского ресторана²².

Цюй Цюбо делит русских харбинцев на два типа, определяя их как «европеизированную русскую буржуазию» и «маоцзы-русские»²³. «Улица Китайская»²⁴ кишит русскими. Одни сидят, близко придвинувшись друг к другу, на стульях, расставленных вдоль тротуара. Другие прохаживаются туда-сюда, разговаривая между собой и оживленно жестикулируя. Некоторые выходят из лавок и магазинов с огромными свертками. В ярком свете уличных фонарей и сверкающих огнями витрин порхают, словно мотыльки среди цветов, парочки. Аромат духов, модные наряды и прически с локонами у висков, лисьи горжетки, галстуки бабочкой из синего атласа. Вся эта роскошь призвана показать

товар лицом и всячески прославить цивилизованность европеизированной русской буржуазии»²⁵. И на фоне этого «товара лицом», как иронично замечает писатель, мы видим и другую сторону харбинской действительности — «*маоцзы-русских*»: просящих милостыню нищих, ворюшек, сбывающих краденое в харчевнях китайцам. Хозяин харчевни, китаец, жалуется писателю на несправедливые дела русских, осуждает их и беспокоится, что среди бедного населения русских *маоцзы* — явление неприятное.

Цюй Цюбо, окончивший Пекинский институт русского языка, встретил в Харбине своих однокурсников, некоторые из них работали в редакциях русских газет, на КВЖД, в фирме «Утун»²⁶. Прогуливаясь с ними по набережной реки Сунгари, он увидел две стороны жизни Харбина. С одной стороны, архитектуру иностранных застроек, а с другой — жуткую нищету и убогость Харбина, «китайской колонии царской России». «Китайцы-северяне живут в тяжелых условиях: улицы и дороги унавожены, глинобитные хижины, жалкие заборы, непросыхающая грязная жижа во дворах. Такова истинная картина жизни здешних китайцев»²⁷. Такой архитектурный и эстетический контраст приводит в недоумение автора очерка. Отрицая укорененное в его сознании конфуцианское довольство минимумом (автор происходил из сословия *шэньши*, которое выступало носителем конфуцианской морали), Цюй Цюбо провозглашает, что настало время «перестройки всего комплекса культурных и материальных условий жизни»²⁸.

10 декабря 1920 г. китайский писатель отправился в Россию. Он едет на Запад, в «западный мир». Здесь, за «*воротами свободы*», автор надеется встретиться с совсем иным типом русских.

Не ускользнула от внимательного взгляда Цюй Цюбо и сибирская природа: «Сопки, как стена, заключили в свои объятия город. Вершины сопки поросли седыми соснами и елями, покрытыми снегом. Они издали поглядывают на пятицветный флаг и улыбаются, сверкая удивительно чистой зеленью. По станции снуют с деловым видом люди в засаленных, выдавших виды тулупах. Открываешь дверь в зал ожидания и чувствуешь тепло. Прогуливаясь мимо зала, неизменно ощущаешь «дурной запах русских мужиков»»²⁹ (перевод мой. — Е.С.) Таким «одоризированным» оказалось первое непосредственное впечатление писателя о России. Отметим, что М.Е. Шнейдер дает, на наш взгляд, неточный перевод, отдающий сарказмом: «Открываешь дверь в зал ожидания — в нос ударяет спертый воздух. Даже прогуливаясь мимо зала, неизменно ощущаешь «русский дух»»³⁰. Китайского автора в прямом смысле слова коробит «дурной запах», ведь в китайской эстетике особое отношение к запаху, есть даже пословица «ни звука, ни запаха» (*ку шэн у сю*), в значении: быть незаметным, жить в безвестности»³¹.

Цюй Цюбо называет Читу «пассивной колонией» Китая, где слышна «*смесь восточного говора с западным, <...> на базаре китайская чайная, китайская парикмахерская*»³². Знакомая с общественной жизнью города, автор посещает читинский театр, «оставшийся в наследство от буржуазии». Новые впечатления он старается зафиксировать в мельчайших подробностях: «Все здесь выглядит весьма культурно, но кажется каким-то маленьким, словно в миниатюре. У дверей — часовые-красноармейцы. В фойе ярко сияют люстры, неторопливо прогуливаются мужчины и женщины, среди них попадаются нарядно одетые»³³.

Просвещенному китайцу удалось увидеть собственными глазами «частичку сибирской жизни» на примере одной семьи. «Мы разыскали дом, где жили родственники моего харбинского знакомого, вошли в ворота и очутились в просторном дворе. Здесь стояли на привязи коровы и лошади, чуть поодаль видны были ведра с молоком. Сам дом, точнее русская изба, был неказистый, но крепкий. Нас пригласили в небольшую, чисто прибранную горницу. Хозяйка, узнав, что мы привезли ей письмо, приняла нас очень любезно. Она знала немного по-французски и, увидев, что русским мы владеем недостаточно хорошо, принялась расспрашивать нас, то и дело вставляя в русскую речь французские слова»³⁴. Гостей пригласили на ужин, где китайцам очень понравился черный хлеб. В этой семье ав-

тору довелось познакомиться с еще одним русским, который злобно отзывался о большевиках. «С виду интеллигентного человека» Цюй Цюбо описывает так: «надменное лицо, неопрятная борода и усы, всклокоченные волосы. Он нервно теребил рванный галстук-бабочку на грязной шее, кутался в черный меховой воротник и укоризненно качал головой»³⁵. Очевидно, что это был один из тех, кто не принял новый социальный строй.

Целью поездки публициста было практическое познание российской действительности. Цюй Цюбо стремился изучить теорию научного коммунизма в России и определить «значимость этой общественной системы для культуры человечества, изучить русскую культуру — часть общечеловеческой культуры, исходный пункт перехода от старой культуры к новой»³⁶.

Далее, по пути следования поезда, Цюй Цюбо довелось пообщаться с русским населением Сибири и встретиться с русскими солдатами: «Мимо нашего поезда в обоих направлениях идут и идут воинские эшелоны. Бойцы в изодранных шинелях и грязных меховых папах то и дело высовываются из теплушек и жадно глядят на наш завтрак — рисовую кашу, говядину и капусту. Спустя некоторое время напротив наших окон останавливается еще один эшелон. Бойцы делают нам знаки, прося закурить. Мы угощаем их сигаретами, и, не переставая благодарить нас, они едут дальше»³⁷. В Иркутске путешественники столкнулись с еще более удручающей обстановкой, нежели в Чите. Разруха, голод, спекуляция, тяжелое положение крестьянства и другие экономические и социальные трудности позволили корреспонденту сделать вывод, что далеко не все жители согласны с программой большевиков и установлением новой власти³⁸. В Омске обстановка была не лучше: «люди в ужасных лохмотьях, процветание воровства продуктов питания»³⁹. Настроение рассказчика меняется, он постепенно впадает в отчаяние: «от всего пережитого у меня лишь одно впечатление: будто всю вселенную окутала мрачная атмосфера холода и безмолвия. Сам я нахожусь в крайне подавленном состоянии»⁴⁰. Но это — временное «*кружение чувств*». Цюй Цюбо не теряет веры в русский народ, то и дело говоря самому себе: «взгляни, как тихие, милые “русские мужички” (имеются в виду крестьяне. — прим. Е.С.) вот уже сто лет ведут героическую борьбу за свободу... Но только теперь, не отказываясь по-прежнему от своих устремлений, они вынуждены признать руководство со стороны другой, находящейся вне их самих общественной силы»⁴¹. Интересно и то, что писатель называет Сибирь «*средневековым обществом с полуфеодальным экономическим укладом*»⁴², отождествляя его со старой формацией, имея в виду, что люди, живущие здесь, еще не поняли сущность революции и нового социального строя.

На одной из маленьких станций автор становится свидетелем отрадной для него сцены, участником которой — старик «с простым и честным лицом» и два малыша лет семи-восьми. Дети помогли деду убирать снег с железнодорожного полотна дороги и делали это «с удовольствием, как бы играя». Затем, разделив и съев горбушку хлеба, начали играть в снежки. Дед перестал работать и с любовью наблюдал за возней внуков. В душе китайского путешественника «глубоко запечатлелись и мягкая, доброжелательная, светящаяся блаженством и радостью улыбка старика, занятого физическим трудом, и вид ребятишек — таких веселых, подвижных, непосредственных»⁴³. Автору-китаю весьма импонируют уважение к старшим, любовь к детям — чувства, отвечающие китайским этнокультурным установкам.

У подножия западных склонов Уральского хребта, на небольшой станции, общаясь с русской крестьянкой, меняющей целую корзинку куриных яиц на соль, Цюй Цюбо увидел то, что уже повторялось в Восточной Сибири: обесценивание денег, отсутствие соли, сахара, разной материи. И только после Урала обстановка в стране, которую китаец мог наблюдать из окон вагона спецпоезда⁴⁴, начинала постепенно меняться. Путешественник приближался «к индустриальным районам России». «Средневековье», по словам автора, переходило в «современность». «Пассажиры на станциях, следующие в разных направлениях, одеты значительно лучше, аккуратнее, поведение — сдержаннее»⁴⁵.

25 января 1921 г. писатель Цюй Цюбо наконец приехал в «голодный край» — Москву. «В первый же вечер Красная столица произвела на меня глубокое впечатление»⁴⁶, — вспоминает он. Башни Кремля, Большой театр, Третьяковская галерея — всё восхищало китайского корреспондента. Вот что пишет автор о галерее: «Здесь светоч русской культуры не померк»⁴⁷. Как будто и не было разрушительных революционных катаклизмов. И с пафосом, присущим китайскому писателю, он изрекает: «Юнец с Востока, приехавший в Красную столицу, готовится испить до дна живительную влагу культуры новой и старой России»⁴⁸.

Находясь в Москве, публицист смог, как ему показалось, «заглянуть в самую душу общества»⁴⁹, используя для этой цели свой литературный дар. Москва, по утверждению автора, — центр мировой революции, которую он именует *Красным прибором*.

Частная жизнь простых русских людей глубоко волновала Цюй Цюбо. Он ставил своей целью понять их характеры, духовные переживания, заботы, их личностное отношение к жизни после Октябрьской революции. В доверительных беседах они раскрывали ему самое сокровенное, не стесняясь своих слабостей и сомнений. «Юноша с Востока», как назвал себя двадцатидвухлетний Цюй Цюбо, был отличным слушателем, деликатным и отзывчивым. А судьбы людей были разными. Так, один из москвичей поведал гостю свою историю жизни. Это был бывший военный царской армии, а ныне — офицер Красной армии. «На вид лет около тридцати, но между бровей у него уже пролегли глубокие морщины — печать тяжелых испытаний, выпавших на его долю. На нем красноармейская форма, он то и дело поглаживает рыжие усы. Хозяин сидит за столом, перед ним — гость с Дальнего Востока, и хотя разговор еще не стал по-настоящему оживленным и душевным, они уже почувствовали взаимную духовную близость. <...> Откуда вам, китайскому молодому человеку, знать о духовных переживаниях и заботах далекой России? Понять их подлинный смысл может только тот, кто сам пережил нечто подобное... Желания и устремления, во имя которых живут люди, до конца понять трудно. Как вспомню, что довелось мне перенести в своей жизни, много горьких мыслей охватывает меня! Во время мировой войны был я на германском фронте: жизнь в окопах, грохот рвущихся снарядов, над головой самолеты, под ногами — грязь, сырость. Первое время от каждого оружейного залпа сердце начинало безудержно колотиться, и так продолжалось минут десять, а то и больше. Причем это был не страх, а нечто другое. Потом привык ни на что не реагировать, нервы словно омертвели, но даже когда спал, в ушах стоял ужасный грохот. И утром, и вечером — круглые сутки ты охвачен или неистовым буйством, или отчаянием. Семья, родина, родители, братья, любовь — все куда-то подевалось. Мы были так подавлены, что не хватало сил ни думать, ни вспоминать о чем-либо. Как только началась Октябрьская революция, большевики освободили нас от всего этого, положив конец войне. Я вернулся в Петроград и снова встретился со своей женой, которую очень люблю...»⁵⁰. Много историй из своей нелегкой жизни поведал офицер китайскому корреспонденту. Заканчивая беседу с «юнцом с Востока», офицер Военной академии сказал: «Если ты служишь народу и служишь самоотверженно, — ты найдешь в этом удовлетворение, а если думать только о себе, — будешь обречен на страдания»⁵¹. Такова, по мысли китайского публициста, была жизненная установка не только бывшего военного царской армии, а ныне — офицера Красной армии, но и большинства русских, принявших после революции новый государственный строй, — «самоотверженное служение народу».

Цюй Цюбо выступает как наблюдатель-интуитивист. Его суждения о русских зачастую субъективны, основаны на собственных представлениях и стереотипах. Однако и в этих деталях можно обнаружить весьма интересные универсальные этнокультурные константы, характеризующие китайцев и в то же время обнажающие разность двух культур. Так, помимо положительных качеств Цюй Цюбо отмечает «дурную привычку» русских неряшливо относиться ко времени, не ценить его. По его мнению, это обычно проявлялось именно в проведении мероприятий в часы досуга: концертов, спектаклей и т.д.

Впоследствии он заявил одному из ребят, приглашенных на просмотр пьесы: «...вы, русские, хоть и совершили величайшую из всех революций, но никак не избавитесь от одной дурной привычки: говорите, что начало в семь, а никогда раньше половины девятого не начинается»⁵². Очевидно, что такое внимание к «непунктуальности» русских кроется в особенном отношении китайцев ко времени. Китайские пословицы гласят: «Время деньги дает, а на деньги время не купишь», «Время — золото»⁵³. В Китае пунктуальность считается символом добродетели, время — ценностью. Культурно-массовые мероприятия в Китае всегда начинаются вовремя, при этом в России допускается 5–10 минут «театральных». Лу Синь говорил: «Тратить время других все равно, что в погоне за богатством погубить чью-то жизнь»⁵⁴.

В заметках Цюй Цюбо можно выделить три типа русских. Во-первых, это русские харбинцы — люди, живущие *старой* русской жизнью, очень религиозные, переживающие за свою родину Россию, формально их можно разделить на бедных и богатых. Во-вторых, русские от Забайкалья до Урала — нищие, голодные, не понимающие, к чему ведет новый строй, но радушные и терпимые. В-третьих, это москвичи — голодные, но верящие в светлое будущее социалистического государства, люди культурные. Все они разные, но похожи друг на друга своей русской душевной широтой. Цюй Цюбо мастерски воссоздал образы встреченных людей, отобразив новую инокультурную для него реальность — жизнь русских.

Возвращаясь в Китай, автор замечает, как постепенно налаживается движение по железной дороге: «Раз в неделю из Читы в Москву и обратно уже ходил курьерский поезд со спальными вагонами»⁵⁵, в поезде имелся вагон-ресторан, а на станциях был кипятилок и кое-какие продукты. В вагонах стало чище, они выглядели «в сто раз лучше», чем те, в которых он ехал в Россию два года назад. С оформлением виз на станциях была еще волокита, автор отметил такую черту русских, как терпеливость. «До чего же терпеливый народ эти русские, — стоят в очереди и ждут, строго соблюдая порядок»⁵⁶. Это замечание писателя не удивительно. Китайцы — народ, любящий толпу; соблюдать очередь для китайца затруднительно. Люди собираются в кучу, устраивают толкотню и в этом находят удовольствие⁵⁷.

Покидая Россию, Цюй Цюбо с грустью замечает: «...простота природы, рост новых, глубинных сил, само время, безудержно идущее вперед, к светлому будущему, — все это привязывает человека к себе. Конечно, есть еще в России немало бестолковщины, но это несколько не мешает ей быть первым в мире государством нового типа, государством рабочих и крестьян»⁵⁸. Особенно автору запомнилась последняя встреча в России с простым русским человеком. «Я зашел в дом в надежде найти там что-нибудь перекусить, так как в ожидании поезда на границе я изрядно проголодался и продрог. Едва я переступил порог рубленой избы, как на меня пахнуло подлинным миром и теплом. У пышущей жаром печи я пил чай с хлебом, наблюдая за тем, как жена солдата (хозяина дома) печет пироги к Рождеству. Утварь в избе была крайне простая и грубая, на стене висела старая, потрепанная карта Европы и Азии. Хозяева приняли меня очень радушно»⁵⁹.

В послесловии Цюй Цюбо положительно оценивает события, которые произошли в начале XX века в России. «Поэтому, — считает писатель, — мы, китайцы, должны во что бы то ни стало придерживаться того же курса, что и русские»⁶⁰. Он благодарит судьбу, что пребывание в Советской России позволило ему «найти самого себя», свое видение мира. «Свет маяка», как метафорично называет автор Россию, — «спасение для одинокого, несчастного сироты, отправившегося в дальний путь из родных мест и приехавшего в совершенно чужую страну, презрев многие трудности, связанные с плохим сообщением, с непривычной грубой пищей, застревающей в горле. “Голодный край” с его “голодом” — чьей-то злостной выдумкой — перековал меня, человека очень мягкого — хоть веревки вей — в настоящую сталь»⁶¹.

Путевые заметки Цюй Цюбо — одно из первых произведений китайцев о новой России. Он выделяет основные национально-психологические характеристики, которые совпадают с этнокультурными стереотипами, устойчивыми представлениями о русских: гостеприимство, радушие, терпимость, открытость, доброта, иногда безответственность, недисциплинированность, халатность. Стремление изменить свою жизнь стимулировало интерес писателя к познанию новой, *другой* общественной системы, культуры. При этом, являясь сторонником «Движения за новую культуру», Цюй Цюбо все же высказывается за сохранение созданных веками культурных традиций, что свойственно конфуцианской этике.

1. См.: *Цюй Цю-бо*. Избранное. М., 1975. 224 с.; *Черкасский Л.Е.* Новая китайская поэзия. М., 1972. 481 с.; *Федоренко Н.Т.* Очерки по истории китайской литературы. М., 1956. 733 с.; *Шнейдер М.Е.* Цюй Цю-бо — революционер, писатель, боец. М., 1960. 30 с.
2. См.: *Сенина Е.В.* Социально-политические и социокультурные предпосылки интереса к русской литературе в Китае (первая половина XX в.) // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур*. Вып. 11. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. С. 173–180.
3. См.: *Барлукова О.Д.* Китайская интеллигенция в условиях модернизации общества (последняя четверть XX века): монография. Улан-Удэ, 2008. 115 с. URL: http://elib.bgsha.ru/text/2008/bod2008_01.pdf.
4. См.: *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае. М., 2005. С. 120–138; *Забияко А.А., Забияко А.П., Леошико С.С., Хисамудинов А.А.* Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. С. 141–154; *Сенина Е.В.* Образ «белоэмигрантов» в китайской литературе 20–40-х гг. XX в. // *Русский Харбин, запечатленный в слове. Проблемы социо- и этнокультурной идентичности*: Сб. науч. работ. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2016. Вып. 7. С. 113–121.
5. *Цюй Цюбо*. Путевые заметки о новой России / Публицистика разных лет: [сб.]: пер. с кит. / отв. ред. и сост. Л.П. Делюсин. М.: Наука, 1979. С. 15.
6. Там же. С. 16.
7. Там же. С. 42.
8. Там же.
9. Там же. С. 44.
10. См.: *Аблова Н.Е.* Указ. соч. С. 120–138; *Балакишин П.П.* Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. Т. 1. М., 2013. С. 158–169; *Забияко А.А., Забияко А.П., Леошико С.С., Хисамудинов А.А.* Русский Харбин... С. 141–154; *Мелихов Г.В.* Белый Харбин: середина 20-х. М., 2003. 440 с.
11. *Цюй Цюбо*. Путевые заметки... С. 44.
12. *Qi Qiubai*. Youji. Exiang jicheng chi dou xinshi: [Путевые заметки. Записки о голодном крае]. Пекин: Изд-во «Восток», 2007. С. 22.
13. *Забияко А.А.* Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. Новосибирск, 2016. С. 3–20.
14. *Цюй Цюбо*. Путевые заметки... С. 46.
15. Там же. С. 50.
16. Там же. С. 49.
17. Там же. С. 54.
18. Там же. С. 56.
19. Там же.
20. Там же.
21. См.: *Забияко А.А., Забияко А.П., Леошико С.С., Хисамудинов А.А.* Русский Харбин... С. 181–182.
22. См.: *Сенина Е.В.* «Я скучаю по харбинской жизни»: Социокультурные и этнокультурные процессы 1930–1950-х гг. в сознании дальневосточных эмигрантов // *Русский Харбин, запечатленный в слове...* С. 32–38.

23. *Маоцзы* или *лаомаоцзы* — дословно «волосатый», презрительное именование европейца на Северо-Востоке Китая (как правило, русских).
24. Улица Китайская — район Пристань, от улицы Диагональная до тюрьмы и городского парка. См.: План города Харбина и Фудзядана с прилегающими окрестностями, 1931 г.
25. *Цюй Цюбо*. Путевые заметки... С. 56–57.
26. «Утун» — пароходная компания, образована 21 июля 1918 г. в Харбине для перевозки грузов. Помимо пров. Хэйлунцзян, пароходы компании работали еще на 16 маршрутах в северных провинциях, в основном по р. Сунгари.
27. *Цюй Цюбо*. Путевые заметки... С. 58.
28. Там же.
29. Там же. С. 37.
30. Там же. С. 70–71.
31. В разделе социологии, изучающем теорию запахов (Г. Зиммель, К. Классен, Д. Хоувз, Э. Синнот) говорится, что «у каждой этнической группы есть свой личный запах или набор таковых <...> пахнут всегда “чужие”». Цит. по: Ароматы и запахи в культуре. Изд. 2-е, испр. Книга 1 / сост. О.Б. Вайнштейн. М., 2010. С. 389–412.
32. *Цюй Цюбо*. Путевые заметки... С. 71.
33. Там же. С. 72.
34. Там же. С. 73.
35. Там же. С. 74.
36. Там же. С. 83.
37. Там же. С. 85.
38. Там же. С. 88.
39. Там же. С. 91.
40. Там же.
41. Там же.
42. Там же.
43. Там же. С. 95.
44. Цюй Цюбо направлялся в Россию на поезде дипмиссии Китая в составе китайского консульства.
45. *Цюй Цюбо*. Путевые заметки... С. 95.
46. Там же. С. 97.
47. Там же. С. 101.
48. Там же. С. 102.
49. *Цюй Цюбо*. Путевые заметки о новой России. Очерки и статьи, с комментариями. М., 1959. С. 64.
50. Там же. С. 71.
51. Там же. С. 73.
52. Там же. С. 82.
53. «И цунь гуаньинь и цунь цзинь, цунь цзинь нань май цунь гуаньинь». См.: Большой китайско-русский словарь. URL: <http://bkrs.info>
54. *Wen Wangpeng*. Shoushi de zhongyao xing: [Важность пунктуальности]. URL: http://wenku.baidu.com/link?url=-x38LaSVUFG3eubveDIAaLpUjR0qrAuOTA30-mu_7t91Jsvx5ZV4WMZch0j_r91Afo7VWO1-DkNfTc20wyG_st36051OIs3n-haSaLrlH7 (дата публикации: 17.08.2012)
55. *Цюй Цюбо*. Путевые заметки о новой России... С. 83.
56. Там же. С. 84.
57. См.: *Спешнев Н.А.* Китайцы: особенности национальной психологии. СПб, 2012. С. 306.
58. *Цюй Цюбо*. Путевые заметки о новой России... С. 84.
59. Там же. С. 85.
60. Там же. С. 105.
61. Там же. С. 106.